
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

**НЕ ПЛАЧЬ,
ОРЧАНКА!**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д75

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Гондик*

Дроздов, Анатолий Федорович.

Д75 Не плачь, орчанка! / Анатолий Дроздов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-04-092720-3

Из воинской части в Кишиневе сбегают два дезертира. Они убивают часового, захватывают оружие, угоняют автомобиль «УАЗ». Пограничников поднимают по тревоге. Есть основание полагать, что дезертиры захотят уйти за рубеж. В один из рядов определяют Антона Ильина. Пограничник обнаруживает угнанный автомобиль и дезертиров. Завязывается перестрелка. Один из дезертиров перед смертью успевает бросить гранату. Она взрывается, и Антон вместе с автомобилем, набитым оружием, оказывается на планете Нимей, в государстве Рум. Его населяют орки...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092720-3

© Дроздов А.Ф., 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Граната, кувыркаясь, летела в воздухе.

Антон видел ее отчетливо — цилиндрическую, выкрашенную в защитный цвет РГ-42, формой похожую на консервную банку из стандартного армейского пайка. Формой, но не содержанием. Внутри РГ-42 находилась не гречневая каша с мясом, а сто десять граммов тринитротолуола и металлическая лента с насечками. Спустя считанные секунды эта лента превратится в десятки осколков, которые вопьются в его тело. И тогда...

«Машина! — мелькнула в голове мысль. — У нее стальной кузов, а внутри ящики. Они защитят!»

Окончание этой мысли Антон додумывал на бегу. Тело сообразило раньше, чем мозг. Стремительными прыжками он преодолел расстояние, отделявшее его от «УАЗа», рванул на себя дверцу и вцемился внутрь. Вернее, вбросил себя. Даже успел захлопнуть за собой дверцу. И только затем сообразил: внутри машины — ящик с такими же РГ-42, вдобавок с вкрученными запалами. И «УАЗ» — последнее место, где надлежит прятаться от взрыва. Все-таки мозгу следует доверять больше, чем телу. Однако пожалеть об этом Антон не успел.

Сбоку грохнуло. В следующий миг пространство за стеклами «УАЗа» затопило багровое пламя. Антон ощутил, что куда-то летит. «Пиз... ц!» — мелькнула мысль, и все исчезло...

1

Жизнь Антона резко изменилась в январе 1971 года. После ужина, в ходе которого он похвастался отцу и сестре полученными отметками — повышенная стипендия в кармане! — отец пригласил его к себе в комнату. Выглядел при этом Ильин-старший строго. «Это он с чего? — думал Антон, шагая вслед за отцом. — Все ж нормально». Недоумение его разъяснилось скоро.

— Каким ты видишь свое будущее? — спросил отец после того, как они расположились в креслах.

Антон осторожно пожал плечами. Вопрос был странным. Какое будущее у студента третьего курса института иностранных языков? Ему еще учиться и учиться. Так и сказал.

— А конкретнее? — не отстал отец.

— Окончу институт, получу диплом, пойду работать.

— Куда?

— На распределении скажут.

— А куда распределят?

Антон задумался. О распределении в группе говорили не раз — все-таки третий курс. Мечтой многих было попасть на работу в МИД. Но такая перспектива выглядела призрачной — в Министерстве иностранных дел Белоруссии работала пара десятков человек. Про МИД СССР и мечтать нечего — в Москве свои институты имеются. Неплохо устроиться

в «Интурист» или хотя бы в «Спутник»: они работают с иностранцами, поэтому переводчики нужны. Теоретически. Практически — не вщемиться. Желающих в разы больше, чем вакансий. Остается работа в издательствах, торгово-промышленной палате — там специалисты-переводчики востребованы, в худшем случае можно преподавать иностранный язык в школе. Последнее не желательно, зато есть шанс остаться в Минске. Он отличник, уверенно движется к красному диплому. Таким на комиссии дают возможность выбрать место распределения.

Все это Антон и сообщил отцу. Тот удовлетворенно кивнул.

— А чего ты хотел бы сам?

— Поездить по миру, побывать в разных странах, — вздохнул Антон.

— Такая возможность есть, — сказал Ильин-старший. — Если пойдешь по моим стопам.

Антон на мгновение выпал в осадок. Ильин-старший был полковником запаса, и не каким-нибудь, а КГБ. О своей службе он рассказывал мало. Но Антон знал, что отец начал в знаменитом ИНО (иностранном отделе) НКВД. Много раз бывал за границей. Зачем туда ездил, догадаться не трудно — фильмы про советских разведчиков показывали в кинотеатрах. В Отечественную войну сотрудник «Смерша» Ильин ловил вражеских диверсантов, при этом был ранен. Антон видел на его теле отметины от пуль и осколков. У отца пять орденов и масса медалей. Так что своим «предком» Антон гордился. Но идти в КГБ? Репутация этого ведомства в советском обществе никакая. По мнению интеллигентных людей, а Антон считал себя таковым, порядочный человек в «контуре глубокого бурения» не пойдет.

— Знаю, о чем думаешь, — сказал отец, — и что дружки твои говорят. Все это падла лысая! — отец сжал кулаки. Хрущева он ненавидел люто. — Разоблачил «врагов», клещ кукурузный! Теперь нужных людей в Комитет не звать. Лезет всякая шваль. А нужны люди умные и образованные, такие, как ты.

Антон с удивлением посмотрел на отца. Тот усмехнулся.

— У тебя отменная память и блестящие способности. Ты свободно говоришь на двух языках. Учишь третий. К диплому освоишь и его. Этот раз. — Отец загнул палец. — Два — ты не рохля. Умеешь постоять за себя и дать сдачи.

Антон кивнул. Стойкости его научил отец. Когда маленький Антоша прибежал жаловаться на дворовых обидчиков, Ильин-старший спрашивал: «А ты дал сдачи? Нет? Вот поди и дай!» И, не обращая внимания на возражения матери, выталкивал сына за порог. Приходилось возвращаться и выполнять приказ. Не раз Антону разбивали в кровь нос, вешали синяки, но его это не останавливало. Со временем дворовые хулиганы оставили его в покое. Приятно, когда тебя боятся. А если сразу дают сдачи? Ну его, малявку бешеную...

— И еще у тебя мой характер, — загнул третий палец отец. — Сидеть в издательстве или торговой палате ты не сможешь. С тоски умрешь. Поэтому КГБ для тебя неплохой вариант. И за границей побываешь, и мир увидишь, и пользу Родине принесешь. Согласен?

Антон подумал и покрутил головой. К его удивлению, отец усмехнулся.

— Молодец, имеешь свое мнение! Но все равно завтра пойдешь в деканат и напишешь заявление

о переводе на вечернее отделение. В связи с тяжелым материальным положением в семье.

Антон вздохнул. После смерти матери достаток семьи упал. Не сказать, чтобы сильно. У отца хорошая пенсия, сестре платят пособие в связи с утратой кормильца, и получать его она будет до окончания института. У Антона — стипендия. В сумме на троих набирается двести восемьдесят рублей. Не мало. Другие и на меньшие деньги живут. Но если отец считает иначе...

— Ты неправильно понял, — покачал головой Ильин-старший. — Денег хватает. Но для того чтобы ездить по миру или работать с иностранцами, нужна биография. Абы кого не подпустят. Поэтому пойдешь на завод. В трудовой книжке появится запись «рабочий». У нас это ценится. Затем тебя призовут на военную службу...

Антон похолодел. В институте он занимался на военной кафедре и рассчитывал, как и другие студенты, по получении диплома пройти двухмесячные курсы и стать офицером запаса. Военным переводчиком. А тут на два года! Рядовым солдатом!

— Служить будешь в пограничных войсках, — сказал отец, не заметив волнение сына. — Насчет этого я постараюсь. Пограничники относятся к КГБ СССР — это второй плюс в твою биографию. Третий добудешь сам. Служи так, чтобы на дембель уйти кандидатом в члены КПСС. Если сумеешь, дело, считай, в шляпе. По возвращении восстановишься на дневном отделении. Вступишь в партию, проявишь себя на общественной работе. И мир для тебя открыт.

Ильин-старший улыбнулся. «Не хочу!» — хотел крикнуть Антон, но промолчал. И в ответ на вопрошающий взгляд отца обреченно кивнул.

Уйдя на вечернее отделение, Антон устроился учеником слесаря на завод. Наставника ему определили из бывших фронтовиков. Тот сунул студенту железяку, протянул напильник и указал на тиски.

— Пили! Нам опилки нужны.

Антон «пил» три дня. На четвертый наставник осмотрел почти сточенную железку, вытащил ее из тисков и зашвырнул в урну.

— Молодец! — сказал, улыбнувшись. — Терпение есть. Без него хорошим лекальщиком не станешь. Буду учить.

И научил. Через три месяца Антон получил второй разряд слесаря и первую полноценную получку — 78 рублей. Но порадоваться этому не успел — пришла повестка из военкомата. Как и обещал отец, призвали его в пограничные войска. Поезд привез новобранцев в молдавский город Унгены. Там Антона мигом выделили из общей группы. Студент иняза, высокий, приятной наружности — идеальный кандидат в школу контролеров. Тех, которые первыми встречают прибывающих в СССР иностранцев. В школе курсантов знакомили с образцами заграничных паспортов, учили распознавать подделки, сличать фотографии в документах с оригиналами, определять нервничающих и странно ведущих себя туристов на предмет их дальнейшей более глубокой проверки. Отучившись шесть месяцев, Антон получил распределение на автомобильный пункт пропуска Леушены.

Служить было трудно. В летний сезон поток транспорта вырастал в разы. Автобусы, легковые авто, грузовики ехали днем и ночью. На сон оставалось не более пяти-шести часов в сутки. Но Антон не роптал. Тяжело, но интересно. Иностранцы, туристы

из всех уголков огромного СССР, люди, лица, разная речь... Антон совершенствовал свою разговорную практику, между делом выучил молдавский язык, добавив его к английскому, немецкому и французскому. Это принесло ему уважение со стороны персонала пограничного КПП. Молдаванам нравилось, что студент из Белоруссии разговаривает с ними на родном языке. Довольно было и начальство. Службу Антон тянул добросовестно. Стал отличником боевой и политической подготовки, вскрыл несколько попыток пересечь границу по поддельным документам. Комсомольцы КПП избрали его своим комсоргом — без всякого давления со стороны начальства. Грудь старшего контролера украсили знаки «Отличник погранвойск» I и II степеней. Его имя занесли в Книгу Почета погранотряда, фотография появилась на Доске Почета округа. Неудивительно, что желание Антона вступить в партию встретило горячий отклик со стороны старших товарищей. Кандидатом в члены КПСС его приняли единогласно. План отца выполнялся, и Антон с нетерпением ждал дембеля. Родных он не видел давно — отпуска пограничникам практически не давали.

Все было готово. В каптерке ждала своего часа отглаженная «парадка» с погонами старшины — звание Антон получил в марте. В заезжей лавке военторга куплена новая зеленая фуражка. Перецепить знаки с повседневной формы на парадную — пара минут. Дырочки уже проколоты. Осталось переодеться, попрощаться с друзьями — и в Кишинев. Отличник боевой и политической подготовки, кавалер двух знаков «Отличник погранвойск» Антон Ильин уйдет на дембель в первой партии. Пограничников в запас отправляют поздно, когда «дембеля» из других

войск успевают отгулять возвращение. На Антона это не распространяется. Для него будет торжественное построение на плацу, прощание со Знаменем части, оркестр... «И под музыку «Славянки» прямо с плаца на гражданку — демобилизация...»

И тут черт принес этих дезертиров.

Заставу и КПП подняли «в ружье» затемно. Полу-сонные пограничники выстроились во дворе. Перед ними топтались офицеры. Даже в предрассветных сумерках было видно, что лица у них хмурые. Вперед вышел командир заставы капитан Псарь.

— Этой ночью в одной из воинских частей в Кишиневе дезертировали двое солдат, — объявил он. — Перед этим они убили часового, открыли склад и завладели оружием и боеприпасами. Погрузили его в автомобиль «УАЗ» и скрылись в неизвестном направлении. Идут поиски. Есть основание полагать, что дезертиры попытаются прорваться через государственную границу. Поставлена задача эту попытку пресечь. В связи с чем объявлена усиленная охрана границы. Обращаю внимание: преступники вооружены и очень опасны. Они убили часового, терять им нечего. Командованием отряда отдан приказ: в случае вооруженного сопротивления преступников открывать огонь на поражение. Это ясно?

Капитан обвел строй взглядом. Пограничники молчали, охренивая. Правила несения пограничной службы предусматривают открытие огня в случае вооруженного сопротивления нарушителей. Но сами командиры настойчиво советовали этого избегать, в крайнем случае стрелять в воздух или по ногам. Это западная граница СССР, с сопредельной стороны располагается дружественное социалистическое государство. Нарушителя, буде тому по-

счастливится миновать кордон, задержат и вернут в Советский Союз. Здесь выяснят, почему он решил изменить Родине и кто его этому научил. А с мертвого какой спрос?

— Приказываю заступить на охрану государственной границы! — Псарь вскинул ладонь к козырьку фуражки. — Виды нарядов...

Антон с приданным в помощь пограничником высадили на тыловой дороге. Вид наряда — заслон. Задача: отслеживать движение транспорта и людей, проверять документы на право нахождения в пограничной зоне, в случае появления дезертиров принять меры к их задержанию. Последнее, как понял Антон, будет вряд ли. Заслон высадили на проселочной дороге. Ездят тут только местные, да и то не часто. До линии границы далеко. В противном случае в наряд поставили бы опытных «дедов» с заставы. А так пристегнули к контролеру КПП молодого пограничника, закрыв строчку в боевом расчете. Торчат им здесь, пока не сменят. В случае усиленной охраны границы продолжительность пребывания в наряде может составить восемь часов. Хорошо хоть сухой паек выдали и вода во фляге есть.

Антон покосился на напарника. Молодых солдат с заставы он знал плохо — не успел толком познакомиться. Прибыли они в феврале, а сейчас апрель. Да и служба не дает возможности пересекаться. У заставы свои обязанности, у КПП — свои. Но всем каждый день — на ремень. В смысле с автоматом на плече. Правда, контролеры их не носят, дабы не пугать иностранцев. Восемь часов службы в сутки — это по правилам. Только кто их соблюдает, особенно на КПП летом? Приходишь после службы, умылся, поел — и спать. В свободную минут надо постирать

и отгладить форму, подшить свежий подворотничок, почистить сапоги... Где время на разговоры брать?

Напарник Антона выглядел жалко. Худой, тонкая шея торчит из явно большого ему воротника кителя, в голенища кирзовых сапог еще две такие ноги всунуть можно. Не то что у Антона. Форма подогнана по фигуре, хромовые сапоги плотно обтягивают икры. Откуда у пограничника срочной службы хромовые сапоги? Так он первым встречает иностранцев на советской земле. Поэтому обмундирование у контролеров офицерское, полушерстяное, а сапоги хромовые. Есть у них и солдатское «хабэ» с кирзачами, только они в каптерке. Антон, вскакивая по тревоге, натянул, что лежало на тумбочке. Переодеться возможности не дали. Зато укомплектовали как на войну. В подсумке на ремне два магазина с боевыми патронами, по 25 в каждом. Почему 25, а не 30? Чтобы подающая пружина не ослабевала. С левой стороны на ремне — штык-нож в ножнах, на правом бедре — малая саперная лопатка в чехле. На хрен, спрашивается, им лопаты? Где тут окопы рыть? Но прапорщик буркнул: «Положено!», пришлось нацепить. Зато сухпай в вещмешок накидал щедро. Из последнего следовало, что торчать им в наряде долго.

Антон поправил ремень автомата. Напарник повторил жест. Ствол его АКМ виднелся над погоном. А вот у Антона — автомат со складным прикладом, поэтому висит стволом вниз.

— Как звать? — спросил Антон.

— Володя, — ответил солдат и шмыгнул носом. — Богомоллов.

«Дите!» — подумал Антон. Его возраст позволял подобное отношение. 22 года это вам не хухры-

мухры. Самый старший из срочников на заставе и КПП. Пацану, наверное, лет 18..

— Не будем стоять столбами, Володя! Пройдем, осмотримся. Нам тут долго куковать.

— Есть, товарищ старшина! — пограничник принял стойку «смирно».

— Вольно! — усмехнулся Антон. — Не тянись. Здесь тебе не плац, а мы не на строевой подготовке. Это наряд. Идем так. Я — по левой стороне дороги, ты — по правой. Смотрим внимательно каждый в свою сторону, ищем следы машины. Понятно?

Богомоллов закивал. Антон вздохнул и зашагал по грунтовке. Позади бухал сапогами Богомоллов. На самом деле Антон не собирался ничего искать. В задачу заслона это не входило. Но стоять на одном месте скучно. Почему б не размяться?

Шагая, он поглядывал по сторонам. Ничего интересного. Виноградники, избегающие по склонам холмов, распаханые и засеянные поля, кусты, рощица в отдалении. Обычный молдавский пейзаж.

За поворотом на грунтовку выходила дорога. Отсыпанная гравием и накатанная. Наверняка ведет в деревню. Вернее, в село. В Молдавии они большие и многолюдные, но чужому человеку затеряться трудно. Все друг друга знают. Стоит там появиться незнакомцу, как воспоследует звонок на заставу. Пограничная зона, народ здесь бдительный.

Они миновали перекресток, прошли еще с полкилометра. Антон собирался вернуться назад, как сзади окликнули:

— Товарищ старшина! Следы.

Антон оглянулся. Богомоллов стоял у обочины, показывая на нее рукой. Антон подошел. С грунтовки сворачивал автомобиль. Колея бежала по не-